Дементьева В.В., Трухина Н.Н.

Правовые основы взаимодействия диктатора с органами государственной власти в ранней Римской республике (V-III вв. до н.э.)

[Stable URL: http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2028]

[Публикация работы:]
Дементьева В.В., Трухина Н.Н. 1996: Правовые основы взаимодействия диктатора с органами государственной власти в ранней Римской республике (V-III вв. до н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 3.1, 107-116.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

construction which was conventionally named «tower», and the buildings connected with it. The investigation is based on the analysis of the collections of amphoras and red-lacquered ceramics. The analysis is made with the use of a most vast range of analogies.

In the stratigraphic column 9 horisons are singled out, and 7 of them reflect various stages of existence of the «tower» complex. The authors offer the following chronological scheme: 1) the beginning of the second quarter of the VIth century A.D. — the building of the «tower» and premises connected with it (1st building period); 2) the second quarter of the VIth century A.D. — damage of the premises by fire and their reconstruction which followed immediately (2nd building period); 3) the end of the second quarter of the VIth century A.D. — destruction of the premises, damage of the «tower»; 4) approximately the time between the second and the third quarters of the VIth century A.D. — the «tower» reconstruction, a certain re-planning (3rd building period); 5) the third quarter of the VIth century A.D. — functioning of the new «tower» complex, the formation of the cinderholder; 6) the end of the third quarter of the VIth century A.D. — the destruction of the «tower» complex.

В.В.ДЕМЕНТЬЕВА (Ярославль), Н.Н.ТРУХИНА (Москва)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДИКТАТОРА С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РАННЕЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (V—III вв. до н.э.)

Экстраординарная должность ранней Римской республики, называвшаяся dictator (magister populi), вводившаяся по инициативе сената и функционировавшаяся в пределах шестимесячного срока, являлась «инструментом быстрого реагирования» на внешнюю или внутреннюю угрозу стабильному существованию общины. Чрезвычайное введение диктатуры неизбежно должно было временно видоизменять весь механизм государственного регулирования римской civitas, однако воздействие этого обстоятельства на отдельные политические структуры (комиции, магистратуры, сенат) было различным. Естественно, что в первую очередь деформировалась исполнительная власть.

Для определения положения magister populi в системе других магистратур необходимо выяснить, полностью ли прекращали ординарные магистраты свою деятельность с введением диктаторского правления, и, если не прекращали, то в какой мере они зависели от диктатора при выполнении должностных обязанностей.

При описании событий периода диктатур в источниках обычно упоминаются консулы (иногда они даже заслуживали от диктатора особых похвал (Liv. VII. II. 9). Однако у Ливия есть сообщения, которые исследователями иногда трактуются как отсутствие консулата при наличии диктаторской власти (например, X.5.14: «сложив диктатуру, Марк Валерий стал консулом»). Аргументом в пользу такой точки зрения служат также сведения Плутарха в биографии Камилла, где говорится, что при введении его диктатуры «сенат уничтожил все другие магистратуры» (Plut. Cam. V). Вообще, представление о том, что при диктаторе все должностные лица (кроме народных трибунов) слагают свои полномочия, характерно для греческой античной историографии (Polyb. III. 87; Dionys. V. 70, 72; VI. 22; App. Hann. 12). Однако имеются многочисленные факты противоположного плана: при диктаторе, назначенном для ведения войны, консулы командуют армиями (Liv. II. 30.7—14; П. 31. 4—6; IV. 27—29; VII. 11.5—8; Dionys. VI.2, 42;

X. 24; Diod. XIX. 76, 101), причем под самостоятельными ауспициями, так как получают триумф (Liv. VII. ii.9; IX.40.20). В 335 г. диктатор был назначен как раз для того, чтобы консулы могли свободно покинуть Рим и завоевать триумф (Liv. VIII.16.11—12). В 217 г. диктатора Фабия принудили избрать консула-суффекта (Liv. XXII.25.11). В 494 г. при наличии диктатора военная клятва произносилась перед консулами (Liv. II.32.1; Dionys. VI.45).

Клинтон Уолкер полагал, что abdicatio консулов могла некогда иметь место, но к III в. до н.э. этот обычай вышел из употребления[1]. Близкой точки зрения придерживается в современной историографии Йохен Бляйкен, по мнению которого, первоначально существовала практика отставки должностных лиц с введением диктатуры, замененная затем подчинением ординарных магистратов диктатору[2]. Нам представляется, что в раннее время имела место скорее возможность, чем практика отрешения магистратов; объем же диктаторского imperium и в последующее время оставался неизменным.

Обычным являлось положение, при котором с назначением диктатора консулы не отстранялись полностью от исполнения обязанностей по военному и гражданскому управлению, но власть диктатора становилась верховной, затмевала консульские полномочия (Liv. II. 18.6; D. 1.2.2.18; 1.11.11). Проводя эту мысль, Ливий вкладывает в уста диктатора Папирия такие слова: «...власть диктатора — высшая власть, и ей покорны консулы, у коих царские полномочия, и преторы, избираемые при одних с консулами ауспициях» (VIII.32.3). Показательно, что в 349 г. сенат отказался от введения высшей экстраординарной магистратуры, чтобы не подчинить (subicere) консула диктатору (Liv. VII.25.11). Верховенством диктаторской власти над консульской объясняет Ливий и наделение диктатора сакральными функциями (VIII.3.8). Более того, по рассказу Ливия (III.29.2.3), а также Плутарха (Fab. Max. IV), диктатор мог удалить консула от должности. В ходе военных операций консулы часто отстранялись от командования легионами, лишались права ауспиций и ставились в положение legatus (подчинение консулов диктатору в период войны подчеркивалось У.Вилькеном[3]). В присутствии диктатора даже в позднюю эпоху консул терял право на свои инсигнии (Liv. XXII. 11.5), появляясь перед диктатором без ликторов (тогда как преторы перед консулом только наклоняли фаски)[4]. Консулы не имели права интерцессии в отношении мероприятий диктатора и действовали только на основе его распоряжений[5].

Будучи rector rei publicae (Liv. IV.14), диктатор первым принимал письма с театра военных действий (Liv. VIII.30.10); просьбы послов обращались к нему и сенату (Liv. II. 18.9—10); от его имени, как главы государства, ликтор поворачивал назад послов Ганнибала даже в эпоху упадка диктатуры (Liv. XXII. 58.9). Обладая высшей исполнительной властью и в сфере domi, и в сфере militae, диктатор, когда обстоятельства требовали вести военные действия, мог назначать для выполнения гражданских функций городского префекта (praefectus urbis) — Liv. VIII. 36.1. Сказанное не позволяет согласиться с мнением И.В.Нетушила об узости диктаторских полномочий по сравнению с консульскими[6].

Включение правового механизма функционирования диктатуры не означало автоматического прекращения imperium других магистратов, что отмечали многие авторы[7]. Противоположное мнение встречается у Л.Ланге, который полагал, что магистраты во время диктатуры не имели империя[8]. На наш взгляд, нормальной была ситуация, когда действие империя консулов как бы замирало и реализовывалось только в том отношении и в том объеме, которые считал нужными диктатор. С прекращением полномочий диктатора консульский империй возобновлялся в исходном виде, и проведения новых выборов не требовалось, если административный год еще не заканчивался.

С правовой точки зрения, соотношение империя диктатора с конульским не зависело от того, была ли это исходная форма диктатуры optima lege («введенная по высшему закону») или ее «усеченные» формы imminuto iure («с уменьшенным

правом»), появившиеся в середине IV в. до н.э. (Название этих форм приводит Фест: Fest. p.198 M). Судя по всему, диктатура imminuto iure, предназначавшаяся для кратковременных сакральных целей или руководства консульскими выборами, явилась порождением политической игры сената, стремившегося в своих интересах периодически изымать эти функции у ординарных магистратов. На наш взгляд, «юридический каркас» диктатуры «с компетенцией» был тем же самым, что и у диктаторов optima lege. Другое дело, что на практике диктаторы со «специальными полномочиями» крайне редко (363, 210, 203 гг. — Liv. VII. 3.9; XXVII. 6; XXX. 24.3—4) стремились вмешиваться в обычный круг консульских обязанностей, ограничиваясь оговоренной целью назначения. В приведенных же примерах диктаторы imminuto iure действовали как носители summum imperium.

Мы считаем также, что не имеют серьезных оснований попытки определить диктатора в виде collega maior консулов. Эти попытки делались в развитие представлений Т.Моммзена о том, что с окончанием консульского года диктаторские полномочия слагались (независимо от того, исчерпал ли диктатор отведенные ему шесть месяцев) и, поэтому «технически» (т.е. в плане механизма функционирования) диктатор и консулы являлись коллегами[9]. Исходя из этого, Э.Херцог называл способ назначения диктатора «кооптацией»[10], а Л.Уолкер полагал, что диктатор стал collega maior консулов со Второй Пунической войны[11].

Против связи срока диктаторских полномочий с административным годом высказывались Л.Ланге, О.Карлова, Г.Шиллер, В.Либенам, И.Ян, А.Друммонд, У.фон Любтов[12]. Мы разделяем этот второй подход, поскольку именно ему находятся доказательства в источниках.

Согласно сообщению Ливия, в 302 г. до н.э. диктатор Валерий наводил порядок в Этрурии: «non petentem, atque adeo etiam absentem creatum tradidere quidam et per interregem ea comitia facta» (Liv. X.5.14). Здесь особенно важно, что Валерий стоит еще во главе армии и его провозглашает консулом interrex, следовательно, выборы происходили по истечении магистратского года, поскольку interregnum при консулах невозможен. На отсутствие связи срока диктаторских полномочий с консульским империем указывает и ситуация 208 г. до н.э. (Liv. XXVII. 33.6—7), когда один из консулов был убит, а второй, назначив диктатора, умер. Диктатор остается в должности и проводит комиции. Диктатор Сервилий, назначенный в 202 г. до н.э., сохранял свою власть и после того, как срок полномочий провозгласившего его консула истек (Liv. XXX. 39.3—8). Следовательно, диктатура функционировала независимо, как от административного года, так и от времени действия империя консула, провозгласившего диктатора. Возможность для диктатора «перешагнуть» через рубеж консульского года снимает основную мотивировку коллегиальности диктатора и консулов. Изложенное также не позволяет согласиться с трактовкой В.Н.Токмаковым[13] диктаторского империя как imperium mandatum, ибо, если бы его империй был делегированным, то превысить срок полномочий передавших ему власть ординарных магистратов диктатор бы не мог; тем более, диктатор проводил через куриатные комиции собственный закон об империи.

Все сказанное о взаимодействии диктатора с консулами в неменьшей степени применительно к его отношениям с tribuni militum consulari potestate в те годы, когда ими заменялся консулат. Военные трибуны с консульской властью были в сравнении с диктатором magistratus inferioris iuris (Liv. V. 49.2).

В Дигестах Юстиниана сохранилось мнение римских юристов о приоритете диктаторской власти над цензорской (D.1. 2.2.18). По предположению Э.Херцога, цензура, вместе с ее задачами оставалась в стороне от непосредственной деятельности диктатора[14], но мы знаем о проведении диктатором закона, ограничивающего полномочия цензоров (Liv. IV.24.8), и случай специального провозглашения диктатора с целью пополнения сената (Liv. XXIII.22.10—11), что говорит о потенциальной возможности «перекрывать» диктаторскими полномочиями компетенцию цензора. Что касается деятельности других магистратов (преторов, квесторов

и эдилов) при диктаторе, то сведения источников по этому поводу весьма туманны и крайне скудны. Но по аналогии с полномочиями консулов, мы можем предположить, что эти магистраты попадали под контроль диктатора и могли в рамках подчиненности ему выполнять какие-либо обязанности по должности, так как официально с нее не смещались. Они «действовали по его указанию и с его согласия»[15]. И.Мадвиг полагал, что все должностные лица, (за исключением консулов) не прекращали свои функции[16], однако В.М.Хвостов замечал, что квесторы не сопровождали диктатора в качестве казначеев[17]. Наблюдение В.М.Хвостова представляется нам справедливым, так как диктатор не был обязан (в отличие от консулов) отчитываться об израсходовании выделенных ему средств (Dionys. VI.38), но само по себе это не свидетельствует о полном прекращении выполнения квесторами должностных обязанностей.

В особой ситуации при введении диктатуры находились плебейские трибуны. Это постоянно подчеркивают античные авторы. Так, Полибий сообщает, что, когда назначается диктатор, «прекращает действовать вся власть в Риме, кроме трибунов (VI.18.9)». То же утверждает и Плутарх в «Римских вопросах» (283.b.81): «когда избирается диктатор, хотя власть всех магистратов передается диктатору, трибуны по-прежнему остаются». Однако Тит Ливий уточняет, что страх перед диктатором останавливал сопротивление трибунов (III.29.6) и, если с консулами трибуны могли вести политическую борьбу, то «диктатура всегда оставалась для нее недосягаемой» (VI.38.13).

При этом диктатор не мог расправиться с плебейскими трибунами, так как сохранялся их статус sacrosanctus (Liv. VIII.34.6). Репрессивные меры применялись диктатором только в отношении тех плебейских вождей, которые не занимали в данный момент должности трибуна (Liv. IV.13.8; VI.15.1—13; VI.16.1—8; VI.17.1—6; Plut.Cam.XXXVI.). За трибунами сохранялось в период диктатуры право законодательной инициативы. Но, если их законопроекты не устраивали диктатора, он мог послать ликторов разогнать плебейское собрание, как это сделал Камилл в 368 г. до н.э. (Liv. VI.38.8). Поэтому совершенно объяснимо, что в том же году для собрания плебеев трибуны использовали момент, когда один из диктаторов сложил полномочия, а другой их еще не получил (Liv. VI.39.1).

Главным образом, «недосягаемость» власти диктатора для плебейских трибунов заключалась в запрете трибунской интерцессии на его решения. То, что изначально этот запрет строго соблюдался, у исследователей сомнения не вызывает. Но появилась ли трибунская интерцессия против диктаторов с течением времени? Мнения историков по этому поводу разделились. Они склонны признать ее возможность[18], при этом чаще называется III в. до н.э. и диктатура imminuto iure; другие же в принципе отрицают ее[19].

Самый ранний случай, который можно трактовать как применение трибунской интерцессии против диктатора, относится к 363 г. до н.э. (Liv. VII. 3.9). Анализируя его, некоторые авторы считали, что протест трибунов был направлен против выхода диктатора за рамки компетенции[20]. И.В.Нетушил полагал, что такой же характер имели интерцессии 353 и 352 гг.[21]. Окончательное узаконение трибунского veto в отношении действий диктатора И.В.Нетушил относил к 351 г., связывая его с появлением «диктатуры с ограниченной компетенцией». Между тем, прямой связи между интерцессией и целевым назначением диктатуры не прослеживается.

Рассмотрим конкретно названные ситуации. В 363 г. трибуны протестовали против набора, объявленного диктатором clavi figendi causa. Но во время суда над сложившим полномочия Манлием обвинения в превышении власти они не выдвигали, возмущались только жестокостью набора (Liv. VII.3.9; VII.4.2). В 353 и 354 гг. трибуны оспаривали нарушение закона Лициния о паритете в консулате, но не руководство военным диктатором выборными комициями (Liv. VII.21.1; VII.21.9; VII.22.1). В 351 г. предлог для противодействия тот же, хотя диктатор уже специально был объявлен для проведения выборов (Liv. VII.22.10). Из-за

намерения диктатора отступить от закона (речь шла о правиле непродления консульских должностей — Liv. XXVII.6) происходили и препирательства трибунов с экстраординарным магистратом.

Таким образом, нигде из перечисленных примеров мы реально не видим сопротивления трибунов выходу диктатора за рамки целевых функций. Это связано с тем, что, по нашему мнению, правовой каркас полновластной диктатуры сохранялся и при использовании ее «усеченных» форм (диктатуры imminuto iure). Диктаторы, провозглашенные для сакральных целей, для руководства выборными комициями и др., в юридическом смысле были носителями высшей власти и в сфере domi, и в сфере militiae, только на практике это почти никогда не использовалось (исключения — Liv. VII.3.9; XXXVII.6). Тем не менее, конституционная возможность любых действий диктатора в рамках высшего imperium сохранялась. Поэтому в источниках и не прослеживается протеста трибунов против «выхода диктатуры за пределы компетенции». Противодействия трибунов имели причиной попытки диктатора не соблюдать те или иные законы. Но как соотнести слова Дионисия о том, что власть диктатора «более могущественна, чем власть, зависящая от закона» (*ην ἀρα η æρεί ττονων ἀρχη τῆ ς æατά νό μους* — Dionys. V.70) а также Ливия, называвшего диктатора «не связанным путами закона» (Liv. IV.13.11) с контролем трибунов за законностью действий диктаторов, отмеченным теми же авторами. Вероятно, что античные писатели имели в виду независимость диктатора от тех законов, в соответствии с которыми осуществляли свою власть ординарные магистраты: его неколлегиальность, неподчинение интерцессии и апелляции. Именно исключительный характер режима функционирования экстраординарной магистратуры был не связан «путами закона». Что же касается соблюдения прочих законов, организующих жизнь римской общины, то в этом отношении, по правовым основам, диктатор, по-видимому, не был legibus soltus. Е.Фрезер даже считал, что при вступлении в должность диктатор давал клятву о подчинении закону[22].

Наложить запрет на действия диктатора, в которых не усматривалось нарушения законов, трибуны не могли. В 325 г. они просили и убеждали диктатора, а не налагали veto на его решение (Liv. VIII.35.2). И, хотя диктатор Луций Папирий Курсор просил трибунов не посягать на его полномочия своим вмешательством (Liv. VIII.34.6), ни он, ни сами трибуны не были уверены в правомочности интерцессии (Liv. VIII.35.5). Видимо, по той же причине обращения к трибунам в 314 г. с призывом о помощи против диктатора остались тщетными (Liv. IX.26.10).

Из сказанного, на наш взгляд, вытекает, что правовое оформление интерцессии и свободное ее применение против диктатора сомнительно. Протест народных трибунов имел не юридические последствия (запрет решений диктатора), а моральное значение их несогласия с его действиями.

Если по отношению к магистратам диктатор поступал, исходя из верховенства своей власти, то по отношению к сенату и комициям он не мог однозначно занимать позицию силы. Поэтому характер его взаимодействия с этими республиканскими структурами был довольно сложным.

Диктатор, проводя законы через народное собрание, предварительно заручался согласием сената (Liv. VII.41.3). Magister populi советовался с сенатом и при распределении военной добычи (Liv. V.20.1—3), хотя в принципе имел право сам распорядиться ею. Согласно сведениям, передаваемым Иоанном Зонарой (Zon.7.13), диктатор не мог без разрешения сената взять деньги из эрария. Видимо, это было связано с тем, что диктатор не отчитывался в своих финансовых тратах: консул брал деньги, не спрашивая сенат, но давал отчет об их расходовании, диктатор же тратил денежные средства неподотчетно, но для их получения из казны ему требовалось сенатское постановление. Сохранялся при нем и порядок объявления войны: сенат предлагал народному собранию вынести решение о начале войны, при этом последнее слово оставалось за центуриатными комициями (Liv. VI.14.1; VII.19.10). Поэтому диктатор начинал войну только «с

согласия сената и по воле народа». Вероятно, реально это обстоятельство чаще всего диктатора не стесняло, так как для ведения военных действий его назначали уже после их начала.

В период Второй Пунической войны различные сенаторские повеления диктатору фиксируются особенно часто (Liv. XXII.8.7; XXII.11.2; XXIII.25.7; XXX.27.11). Судя по всему, это связано с общим усилением влияния сената и его компетенции в это время[23]. Если для эпохи борьбы патрициев и плебеев мы знаем случаи, когда диктатор стремился проводить свой внутриполитический курс (494 г.) и ставил на голосование антисенатские законы (434, 339 гг.), то для конца III в. до н.э. заметна сильнейшая зависимость диктаторов от сената. Отношение сената к диктаторам может быть определено как мелочная опека. (Скрупулезно определялась задача диктатора: укрепить стены и башни, расставить караулы, сломать мосты и т.д. — Liv. XXII.8.7; XXVII.33.6). Детальное вмешательство сената в действия диктатора особенно характерно для диктаторов imminuto iure, поскольку эта форма диктатуры, являясь порождением сената, от него в большей мере практически и зависела.

Однако контроль сената над диктаторским империем основывался не столько на юридических нормах, сколько на auctoritas сената. Подчинение магистратов auctoritas сената было традиционным для политической жизни Римской республики[24]. Но, чтобы использовать свой авторитет, сенат, вводя диктатуру, желал быть уверенным в лояльном к себе отношении со стороны чрезвычайного магистрата. Этого сенат добивался тем, что кандидатура на должность с огромным объемом полномочий подбиралась самим сенатом. Сенату нужна была устраивающая его кандидатура, чтобы не утратить влияние на общественную жизнь в периоды чрезвычайной власти. Возможность такой утраты подчеркивал Л.Ланге, отмечая, что диктатор при желании мог «перешагнуть через авторитет сената, будучи в этом отношении также независим, как и царь»[25].

Диктатор обычно восседал в комициях в тесном окружении сенаторов, а в конфликтных ситуациях даже специально запрещал им отходить от него (Liv. VI.38.5.). В полномочия диктатора, как высшего магистрата, входило право созывать и распускать сенат (Liv. VIII.30.11.). Причем созывать сенат диктатор мог по любому поводу, а не только в пределах порученного ему дела, как полагает В.Н.Токмаков[26], поскольку даже заместитель диктатора, начальник конницы, мог сделать это по личным причинам (Liv. VIII.33.4). Но наиболее важные шаги в политической жизни magister populi предпринимал с оглядкой на сенат и оправдывался перед сенаторами в случаях, когда они были недовольны его действиями (Liv. VI.39.4.). С этим, по-видимому, связана пропатрицианская позиция многих диктаторов и в ходе сословной борьбы, и в дальнейшем, при консульских выборах, проводимых диктаторами. Согласование действий диктатора с сенатом было вполне естественным, и традиции его корнями уходят в царскую эпоху, когда rex «взаимодействовал и с сенатом, и с куриатными комициями»[27].

О приоритете комиций, хотя бы и формальном, говорит Ливий от имени Марка Фабия, находившегося перед лицом диктатора Папирия: «...provoco ad populum eumque tibi, fugienti exercitus tui, fugienti senatus iudicum, iudicem fero, qui certe unus plus quam tua dictatura potest polletque» (Liv. VIII.33.8.). По-видимому, представление об управлении в форме res publica предполагало даже не столько возможность корректировки народным собранием деятельности конкретного чрезвычайного магистрата, сколько возможность изменения этим собранием основополагающих законов функционирования магистратуры. Поэтому не случайно, что в конфликте 325 г. до н.э. между диктатором и начальником конницы, Луций Папирий обращался к народу с просьбой «не сводить на нет законную силу диктатуры» (Liv. VIII. 34.6).

Показательно, что имели место добровольные отчеты диктаторов перед народом, несмотря на «безответственную» власть диктатора (Dionys. VII.81). По Дионисию, готовность предстать перед судом изъявлял диктатор Валерий

(494 г. — Dionys. VI.40), дважды отчитывался Цинциннат (Dionys. X.25; XII.3). По Ливию, тот же Цинциннат держал по своей воле перед народом речь, оправдывавшую убийство Мелия (Liv. IV.15.1—7).

Сложным для однозначного решения является вопрос о возможности апелляции к народному собранию на решения диктатора. О диктаторе не упоминает ни один из известных законов о провокации (их четыре, если не считать введения апелляции при установлении республики). Из них на время существования магистратуры диктатора приходятся два — Валерия и Горация (449 г. — Liv. III.55.14; Cic. De rep. II.31), и lex Valeria (300 г. — Liv. X.9.3). Й.Бляйкен только последний из этих законов считает историческим[28]. Изначальное неподчинение диктатора апелляции фиксируют Ливий (II.29.11) и Дионисий (V.70; VI.58.2). Единственное свидетельство о том, что в какой-то момент провокация против диктатора была все же введена, дает Фест, фрагмент текста которого (Fest. p.198 M) гласит, что некогда все диктаторы избирались optima lege, т.е. без права провокации, впоследствии этой оговорки не делали. Исследователи (за редким исключением[29]) в основном доверяют сообщению Феста. Однако в вопросе о времени введения провокации в историографии наблюдается серьезный разброс мнений. И.Мадвиг и Н.Боголепов приурочивали появление апелляции против диктатора к 449 г. — к закону Валерия-Горация[30]. Историки права чаще указывали на 300 г.[31] или III в. до н.э.[32] Иногда авторы отказывались от датировки этого конституционного изменения [33]. Соглашаясь с ними, приходится констатировать, что время введения апелляции на решения диктатора остается неизвестным.

Первой провокацией против диктатора, о которой сообщают источники, может считаться обращение к народу в 325 г. отца провинившегося начальника конницы. При этом, апеллируя к народу, отец Фабия не может указать случая подчинения диктатора провокации и поэтому ссылается на царя Тулла Гостилия (Liv. VIII.33.8). К тому же, диктатор в этой ситуации оспаривал право народного вмешательства в его действия, что косвенно свидетельствует о том, что после законов Валерия-Горация, запрещавших выбор магистратов без провокации, эта норма в отношении диктатора не действовала.

По нашему мнению, стоит также обратить внимание и на то, что в сфере militae консулы не имели апелляции до 123 г. до н.э. (lex Sempronia). Следовательно, более чем вероятно, что диктаторы до конца существования чрезвычайной магистратуры были свободны от апелляции на свои мероприятия в военной области.

Что же касается конкретного воздействия комиций на поступки диктатора, то Ливий приводит предположение о том, что в 368 г. до н.э. Камилл сложил полномочия потому, что якобы плебейское собрание постановило наложить на него штраф в 500 тыс. ассов, если он сделает что-либо по должности. Однако сам Ливий считал, что этот повод к отставке вряд ли мог иметь место, в том числе и потому, что диктатор имел право запретить предложение о пене (Liv. VI. 38.9—10). Следовательно, Ливий был уверен в праве диктатора не разрешать голосование в комициях.

Таким образом, диктаторы, олицетворявшие высшую исполнительную власть и имевшие возможность принимать единоличные решения, часто предпочитали взаимодействовать с сенатом и комициями. С 311 г. до н.э. назначение военных трибунов осуществлялось не по желанию диктатора, а путем голосования всех вакансий (а не нескольких, как прежде) в комициях (Liv. IX.30.3.).

Огромная власть, сосредоточенная в руках диктатора, его право ius vitae necisque заставляли трепетать перед ним и сенаторов, и магистратов, и воинов, и плебеев, и италиков. Страх, внушаемый диктатором, постоянно подчеркивает Ливий (II.18.8—9, V.2.8, VI.28.4, VI.39.7; VII.40.9; IX.26.75 и др.). Но не только страхом характеризовалось отношение к диктатору. Поскольку с его назначением связывали надежду на магические свойства (и в его полномочия включались сакральные функции независимо от конкретной цели назначения), то в отношении римлян к диктатору был еще и священный трепет. Перед ним благоговели,

пишет Ливий, «как перед божественной волей» (VIII.34.2.). Поэтому случаи сопротивления диктатору были крайне редки, но они имели место.

Эти единичные случаи, когда несогласие с диктатором приводило к выраженному протесту против его действий, зафиксированы в источниках только для ситуаций недовольства в войске. В 325 г. до н.э. диктатор Папирий не мог добиться внимания и тишины на сходке возбужденного войска во время конфликта с Фабием, которого ряды воинов спрятали от гнева диктатора. В 358 г. до н.э., когда воевали с галлами в окрестностях Педа, диктатор Гай Сульпиций не стремился к активным действиям против неприятеля, что привело к ропоту армии. От имени воинов и при их поддержке центурион Секст Туллий потребовал решительных сражений с галлами. Это заставило диктатора начать битву (Liv. VII.12.9—14| VII.13.1—11; VII.14.1—6).

Следовательно, будучи носителем верховной военной власти, диктатор в своих действиях по отношению к армии не был стеснен ничьим противодействием, кроме (в исключительных случаях) самих воинов, что являлось, в сущности, противозаконным.

Итак, вступление в должность диктатора приводило к временному подчинению ему ординарных магистратов, в том числе и к «замораживанию» консульского империя. Концепция, согласно которой диктатор предстает в роли collega maior консулов и не может находиться у власти дольше административного срока провозгласившего его консула, представляется нам ошибочной. Запрет трибунской интерцессии на решения диктатора имел место не только в первое время после возникновения должности диктатора, но и, наиболее вероятно, в течение всего периода ее существования. Во всяком случае мы не считаем доказательным мнение о применении трибунской интерцессии против превышения диктатором его целевых функций. Стремление диктаторов взаимодействовать с сенатом и комициями свидетельствует о том, что в отношении законодательных и контролирующих органов власти диктатор не был столь непререкаемым авторитетом, как в отношении власти исполнительной. Наоборот, он находился под возраставшим давлением сената и исходил из представления о верховенстве римского народа в основополагающих политических действиях. Проблема возможности апелляции к народу на решения диктатора, на наш взгляд, имеет следующее приемлемое решение: в военной сфере диктатор всегда был свободен от провокации, появление апелляции на действия диктатора в гражданской сфере представляется вероятным, но точной датировке не поддается (во всяком случае, это произошло позднее 449 г.).

Таким образом, деятельность диктатора была правовым способом регламентирована; его взаимодействие с ординарными магистратами, сенатом и комициями подчинялось традиционным нормам. Несмотря на громадный объем полномочий чрезвычайного магистрата, раннереспубликанская диктатура не характеризовалась его вседозволенностью и не была внеконституционной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Walker Cl.* The Constitutional Position of the Roman Dictatorship//Studies in Philology The University of North Carolina. 1917. Vol.XIV. 4. P.303—304.
2. *Bleicken J.* Die Verfassung der römischen Republik. 6. Auf. Paderborn-Munchen-Wien-Zurich, 1993. S. 90.
3. *Wilcken U.* Zur Entwicklung der römischen Diktatur. Berlin. 1940. S.4.
4. *von Lubtow U.* Die römische Diktatur//Der Staatsnotstand. Berlin. 1965. S. 119.
5. *Боголепов Н.* Учебник истории римского права. М., 1907. С. 66. *Виллемс П.* Римские государственные и правовые древности. Киев, 1890. С. 292.
6. *Нетушил И.В.* Первый римский диктатор//Журнал министерства народного просвещения. 1907. Ч. VII. N1. С.20.
7. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. B.1. Leipzig, 1874. S. 139; *Herzog E.* Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. B.1. Leipzig, 1884. S.721; *Schwegler D.U.* Romische Geschichte. B.3. Tübingen, 1858. S.121; *Abbot F.F.* A History and

Description of Roman Political Institutions 3rd. ed. New York, 1963. P.182; *Siber H.* Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung. Lahr, 1952; S.107; *Dulckeit G.* Römische Rechtsgeschichte. München und Berlin, 1952; S.27.
8. *Lange L.* Römische Alterhümer. B.1. Berlin, 1876. S.755.
9. *Mommsen Th.* Op.cit. S.137—138, 143—145, 148, 209; *Виллемс П.* Op.cit. C. 291; *Siber H.* Op.cit. S.105; *Kunkel W.* Römische Rechtsgeschichte. Köln, 1956. S. 11.
10. *Herzog E.* Op.cit. S.721.
11. *Walker C.* Op.cit. P.305.
12. *Lange L.* Op.cit. S.758; *Karlowa O.* Römische Staats-Kriegs und Privatalterhümer. B.IV. 1887. S.539; *Liebenam W.* Dictator//Pauli/Wissowa Real-Encyclopedie. B.5. Stuttgart, 1905. S.381—382; *Jahn I.* Interregnum und Wahldiktatur. Verlag Michael Lassleben. Kallmünz, 1970. S.42; *Drummond A.* The Dictator Yars//Historia. Zeitschrift für alte Geschichte. B. XXVII. Wiesbaden, 1978. P.563; *von Lubtow U.* Op.cit. S.119.
13. *Токмаков В.Н.* Цель и значение диктатуры в раннеримской республике (V—IV вв.)//Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 111.
14. *Herzog E.* Op.cit. S.725.
15. *Санчурский Н.* Краткий очерк римских древностей. Пг., 1916. С.105.
16. *Madvig J.N.* Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. B.1. Leipzig, 1881. S.491.
17. *Хвостов В.М.* История римского права. М., 1919; С.53.
18. *Mommsen Th.* Op. cit. S.148; *Schiller H.* Weltgeschichte. B.1. Geschichte des Alterthums. Berlin und Stuttgart, 1900. S.539; *Виллемс П.* Op.cit. C. 293; *Нетушил И.В.* Op.cit. C.87; *Siber H.* Op.cit. S.105; *Meyer Er.* Römischer Staat und Staatsgedanke. Zürich und Stuttgart, 1961. S.150; *Abbot F.F.* Op.cit. P.183.
19. *Копп У.* Римские древности. М., 1868. С.70; *Lange L.* Op.cit. S.751; *Herzog E.* Op.cit. S.724; *Karlowa O.* Op.cit. S.215.
20. *Виллемс П.* Op.cit. C.293; *Karlowa O.* Op.cit. S.215; *Nissen A.* Beitrage zum römischen Staatsrecht. Strassburg, 1885. S.71—72.
21. *Нетушил И.В.* Op.cit. C. 87
22. *Friezer E.* Interregnum and Patrum Auctoritas//Mnemosyne. 1959. XII. P.312.
23. *Schneider H.* Die Entstehung der römischen Militärdiktatur. Kriese und Niedergang einer antiken Republik. Darmstadt, 1977. S.34-36.
24. *Heinze K.* Auctoritas//Hermes. 1925. B.60. S.357—358.
25. *Lange L.* Op.cit. S.750.
26. *Токмаков В.Н.* Op.cit. C.113.
27. *Маяк И.Л.* Рим первых царей. М., 1983. С.245.
28. *Bleicken J.* Ursprung und Bedeutung der Provocation//Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R.A. Weimar, 1959. B.76. S.357.
29. *Nissen A.* Op.cit. S.73—78.
30. *Madvig I.N.* Op.cit. S.484; *Боголепов Н.* Op.cit. C.117.
31. *Mommsen Th.* Op.cit. S.147; *Lange L.* Op.cit. S.756—757; *Scullard H.H.* Roman politics. 220—150 B.C. Oxford, 1951; P.103.
32. *Abbot F.F.* Op.cit. P.183; *Siber H.* Op.cit. S.103; *Wilcken U.* Op.cit. S.6.
33. *Herzog E.* Op.cit. S.724; *Becker W.A.* Handbuch der Römischen Alterthümer. B.2. Leipzig, 1846. S.170—171; *Karlowa O.* Op.cit. S.215; *Meyer Er.* Op.cit. S.150; *Liebenam W.* Op.cit. S.386—387; *Leifer F.* Studien zum antiken Amterwessen (zur Vorgeschichte des Römischen Führeramts)//Klio-Beihefte. XXIII. Leipzig, 1931. S.105.

LEGAL REGULATION OF RELATIONS BETWEEN THE DICTATOR AND STATE GOVERNING BODIES IN ROME (V—III c. B.C.)

Dementyeva V.V., Trukhina N.N.

As the dictator took the office, ordinary magisters, including consuls, became subordinate to him. It appears that the notion of the dictator as *collega maior* of consuls is not accurate. The dictator could remain in the office longer than the consul who had

appointed him. It seems probable that the tribun intercession was not used in regard to the dictator's decisions during the period of the dictarorship existence. The dictator was not the highest authority for legislative and controlling bodies as he was for the executive power. Moreover, the senat's influence on the dictator permanently increased military decisions of the dictator could not be abolished by the citizens through the provocation procedure. It appears that the appellation in regard to the dictator's actions in the civilian matters was introduced after 449 B.C.

Thus, the dictatorship of the Early Republic was within the framework of the Constitution and legally regulated.